СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Джума Оразклычев

Жан-Сильвен Байи: «Я знаю, рано или поздно, вы будете справедливы ко мне»

Французский политический деятель Жан-Сильвен Байи (1736–1793) получил известность не только как первый президент Учредительного собрания и мэр Парижа. Он был астрономом, глубина исследований которого простиралась на миллионы световых лет в астрономии и на тысячи — в истории. Два с половиной столетия назад Байи выдвинул гипотезу о зарождении астрономии в Центральной Азии. Тогда он не нашел единомышленников, но сейчас правоту астронома начинают подтверждать историки.

Ключевые слова: Жан Сильвен Байи; астрономические знания; историко-культурное наследие; история науки.

Академик Жан-Сильвен Байи, глубина исследований которого простиралась на миллионы световых лет в астрономии и на тысячи — в истории, обратив два с половиной столетия назад внимание мирового научного сообщества на историю огузов, выдвинул гипотезу о зарождении астрономии в Центральной Азии. Тогда он не нашел единомышленников, но сейчас правоту астронома начинают подтверждать историки.

Оразклычев
Джума Язклычевич,
Институт истории
и археологии Академии наук
Туркменистана (Ашхабад,
Туркменистан),
juma.oralzkytchev@mail.ru

В 24 года Жан-Сильвен Байи сооружает на свои средства обсерваторию. Расчеты орбит Марса, Юпитера и Сатурна открывают перед ним двери Академии наук — он становится академиком в 26 лет! С этого момента он приступает к исследованиям спутников Юпитера, которые принесут ему мировую славу [1, р. 84–86]. В 1775 г. ученый опубликовал первую книгу своей знаменитой серии «История древней астрономии». В последующие несколько лет он выпустил еще несколько томов. Ничего подобного наука не знала ни до, ни после Ж.-С. Байи просто потому, что никто не решался подготовить работу, охватывающую одновременно и астрономию, и историю [1, р. 96]. Это исследование становится его пропуском в элитарное сообщество филологов — Французскую академию, а затем в привилегированный клуб историков — Академию древних надписей и изящной словесности. Таким образом, к 50 годам Ж.-С. Байи становится трижды академиком [9, р. 343].

Главный его тезис: индусы, китайцы, халдеи и греки не могут претендовать на статус первооткрывателей астрономии [1, р. 97]. Даже постулаты школы Птолемея при внимательном изучении оказываются бессвязными и изолированными, как несколько деревьев, оставленных в вырубленном лесу [4, р. 13]. Астроном Франсуа Араго резюмирует гипотезу своего коллеги: современные народы Азии являются наследниками древнего народа, у которого была совершенная астрономия, следовательно, астрономы Китая и Индии были не первыми. В качестве одного из главных аргументов Ж.-С. Байи приводит тот факт, что с территории Китая и Индии невозможно сделать наблюдения, которые стали фундаментом астрономии как науки [1, р. 101]. Академик писал, что в астрономии Китая, Индии, равно как и Месопотамии, можно видеть лишь обломки знаний, а не целостную науку. Вывод очевиден: исследова-

тели из этих стран усвоили знания по астрономии уже в готовом виде от другого народа [5, р. 17–18].

Ж.-С. Байи не столько из философского созерцания, сколько путем рассмотрения конкретных астрономических фактов ставит точку в долгом споре, «кто первым был в астрономии — египтяне или китайцы», отдавая пальму первенства народу, который жил севернее Персии [6, р. 148–149]. В связи с этим ученый пишет о тюрках, с выходом которых на историческую сцену стали происходить мировые процессы, чей масштаб превратил евразийскую степь в сердце мира. Приводя сведения об Огуз-хане, Ж.-С. Байи пишет, что «...именно с его правления начинается последовательная хронология огузов, которые сформировались как народ в 2924 году до н. э.» [2, р. 343].

Первый том своей «Истории древней астрономии» Ж.-С. Байи направил Вольтеру. Через некоторое время был получен ответ: «Я исполнен благодарности к вам, так как, получив в один и тот же день книгу по медицине и вашу, будучи болен, я тем не менее, не открывая первой, прочел вторую, и чувствую себя уже лучше» [1, р. 100]. Но как бы благосклонно ни относился к ученому Вольтер, одобрения своей гипотезе Байи так и не получил, как не нашел понимания и у других оппонентов. Тем не менее он продолжал свои исследования, все больше убеждаясь в своей правоте и не сомневаясь в том, что историческая правда рано или поздно пробьет себе дорогу.

Не только эрудиция академика, но и его личные качества заслуживают особого упоминания. Однажды некий льстец расхваливал астроному богатство его познаний. Байи, выслушав своего панегириста, шепнул ему на ухо: «Я доверяю вам свой секрет. Прошу вас, не заблуждайтесь в отношении меня: просто я чуть менее невежественен, чем другие» [1, р. 239]. Еще один

пример: когда влиятельные особы пришли к Ж.-С. Байи с предложением наградить его почетными титулами, он ответил: «Я благодарю вас. Тот, кто уже имеет честь быть членом трех Академий Франции, уже удостоен достаточным престижем в глазах разумных людей» [1, р. 240].

Честность и порядочность Ж.-Байи особенно ярко проявились в революционном вихре, охватившем Францию в 1789 году, когда народные депутаты в едином порыве провозгласили Ж.-С. Байи мэром Парижа. Этот пост он занимал два года и четыре месяца. За это время он истратил две трети своего родового состояния, так как «прежде всего надо было дать хлеба жителям Парижа» [1, р. 187]. Если бы исполнение обязанностей мэра продлилось бы еще немного, Ж.-С. Байи покинул бы эту должность совершенно разоренным.

Из политики ученый вышел с подорванным здоровьем. Судьба была к нему безжалостна: Национальная ассамблея, которая еще недавно голосовала за установку в зале заседаний его бюста, теперь подозревает его в антиреволюционном сговоре и считает сообщником короля.

В эти трудные дни рядом оказывается настоящий друг — маркиз Шарль де Казо, который, зафрахтовав корабль, уговаривает своего товарища покинуть охваченную революционным пламенем страну. Ни искреннее предложение друга, ни просьбы заплаканной жены не поколебали решимости Ж.-С. Байи: «С того дня, — ответил он, — как я стал публичным человеком, моя судьба неизменно связана с судьбой Франции... Чтобы ни случилось, я остаюсь» [1, р. 206]. Даже после ареста, когда сочувствующий ему конвоир предоставил шанс бежать, он остался верен своей Родине. На суде, отправившем его на гильотину, Байи произнес: «Я не получил от революции того, что на ней выиграли мои сограж-

дане: свободу и равенство. Я лишь потерял, от моего состояния почти ничего не осталось. Все, что у меня теперь есть, — это моя чистая совесть, но чтобы оставаться счастливым, мне необходимо, дорогие сограждане, ваше уважение. Я знаю, рано или поздно, вы будете справедливы ко мне» [1, р. 223].

Приведение в исполнение приговора было назначено на 12 ноября 1793 года. В тот промозглый день дождь лил с самого утра. Кто-то из толпы, заметив озноб ученого, выкрикнул ему: «Ты дрожишь, Байи». «Друг мой, мне холодно», — спокойно ответила жертва. Под возгласы одобрения зевак Байи был казнен.

Ученый остался верен своему слову и не покинул Париж: его тело покоится в небольшой церкви Святого Петра. Но и как астроном, он по-прежнему на своем посту и продолжает со страниц своих книг отстаивать гипотезу, которая постепенно начинает привлекать под знамена ученого все новых адептов. Луи Базен, вице-президент французской Академии надписей и изящной словесности, в работе «Первые тюркские надписи (VI–X вв.) в Монголии и в Южной Сибири», сообщил, что китайцы заимствовали у тюрков не только зодиакальный календарь, но и понятие божественного неба и, возможно, отсюда и второе название Китая — Поднебесная [7, р. 51]. Египетское авторство календаря защищал профессор Жозеф Галеви, который рассматривал 12 знаков Зодиака в качестве выбора христианами символики 12 апостолов. В настоящее время данная гипотеза полностью опровергнута простым фактом появления Зодиака в Китае уже в середине I в., что исключает египетское происхождение календаря [8, р. 70–71].

В Индии также пользовались этим календарем, о чем свидетельствует огромный корпус буддистской и светской литературы, но профессор Сильвен Леви доказал,

что тексты с циклом двенадцати животных не имеют никакого отношения к Индии, их географическая локализация — Центральная Азия [8, р. 45]. Китаевед Эдуард Шаванн, который с удовольствием приписал бы авторство Зодиака китайцам, в работе «Тюркский цикл двенадцати животных» признает, что «истинными изобретателями цикла 12 животных являются тюркские народы; именно тюрки научили этому циклу китайцев в начале христианской эры и именно тюрки были первыми, кто использовал этот цикл для нумерации лет... Именно от тюрков, в эпоху, когда Египет стал римской провинцией, Зодиак был привнесен в долину Нила» [8, р. 74].

По сей день актуальны слова, которые Франсуа Араго сказал о научных трудах Жана-Сильвена Байи: «Его книги являются сокровищами глубочайшей эрудиции, украшенной действительно красноречивым стилем, и эти сокровища остаются драгоценными и сейчас» [1, р. 104].

Литература:

1. Arago F. Biographie de Jean-Sylvain Bailly. Dans: Mémoires de l'Académie des sciences de l'Institut de France. Paris, 1853. Т. XXIII.
2. Bailly J.-S. Histoire de l'astronomie ancienne depuis son origine jusqu'à l'établissement de l'école d'Alexandrie. Seconde édition. Paris, 1781.
3. Bailly J.-S. Histoire de l'astronomie moderne depuis la fondation de l'école d'Alexandrie jusqu'à l'époque de 1730. Paris, 1785.
4. Bailly J.-S. Lettres sur l'Atlantide de Platon et sur l'ancienne histoire de l'Asie, pour servir de suite aux lettres sur l'origine des sciences. Londres-Paris, 1779.
5. Bailly J.-S. Lettres sur l'origine des sciences et sur celle des peuples de l'Asie. Londres-Paris, 1777.
6. Bailly J.-S. Recueil de pièces intéressantes sur les arts, les sciences et la littérature. Paris, 1810.
7. Bazin L. Les premières inscriptions turques (VIe-Xe siècles) en Mongolie et en Sibérie méridionale. // Arts asiatiques. V. 45, 1990.
8. Chavannes E. Le cycle turc des douze animaux. Extrait du «T'oung-pao». Série II. Vol. VII, № 1. Leide, 1906.

9. Hahn R. Quelques nouveaux documents sur Jean-Sylvain Bailly // Revue d'histoire des sciences et de leurs applications. T. VIII, № 4, octobre-décembre 1955.

Juma Orazklychev,

*Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Turkmenistan
(Ashgabat, Turkmenistan), juma.orazklychev@mail.ru*

Jean-Sylvain Bailly: «I know, sooner or later, you will be fair to me»

The French politician Jean-Sylvain Bailly (1736–1793) became famous not only as the first president of the Constituent Assembly and mayor of Paris. He was an astronomer whose depth of research extended over millions of light-years in astronomy and thousands in history. Two and a half centuries ago, Bailly proposed a hypothesis about the origin of astronomy in Central Asia. Then he did not find like-minded people, but now historians begin to confirm the astronomer's correctness.

Keywords: Jean Sylvain Bailly; astronomical knowledge; historical and cultural heritage; history of science.

НАСЛЕДИЕ

Имре Пачаи

Восточные мотивы русских волшебных сказок

Исследование фольклора — важная задача культурологии, антропологии, лингвистики, истории. Вслед за Н.С. Трубецким изучая культурные традиции «русской культурной зоны», можно проследить восточные мотивы в русских сказках, названных Е.М. Мелетским «мифологическими сказками». Этот жанр фольклора хранит архаичные элементы верований и обычаев, важную информацию о нематериальном культурном наследии. В ходе нашего исследования русских волшебных сказок было установлено, что ряд из них может служить источником по обычному праву и героическому эпосу алтайцев и тюрков, а также верованиям урало-алтайского шаманизма. Разрозненные восточные мотивы свидетельствуют о контактах русских с многими другими народами.

Ключевые слова: русские сказки, фольклор, восточные мотивы, верования, обычаи, урало-алтайский шаманизм, культурные контакты, «русская культурная зона», нематериальное наследие.

Имре Пачаи,

*филолог, специалист
по компаративистской
и социолингвистике, доктор
хабилитат, профессор
(Ньиредьхаза, Венгрия),
drpacsai@gmail.com*

В нашей работе рассматриваются восточные мотивы, обнаруженные в русских волшебных сказках. Изучение русских народных сказок было мотивировано выводами В.В. Стасова (1868) и теорией Н.С. Трубецкого (1927) [27] о восточном характере русской народной культуры. По мнению В.Я. Проппа [21], изучение фольклора является важной задачей гуманитарных наук, что подтверждает актуальность нашего исследования: «В наше время проблемы фольклора становятся все более актуальными. Ни одна гуманитарная наука — ни этнография, ни история, ни лингвистика, ни история литературы не могут обо-